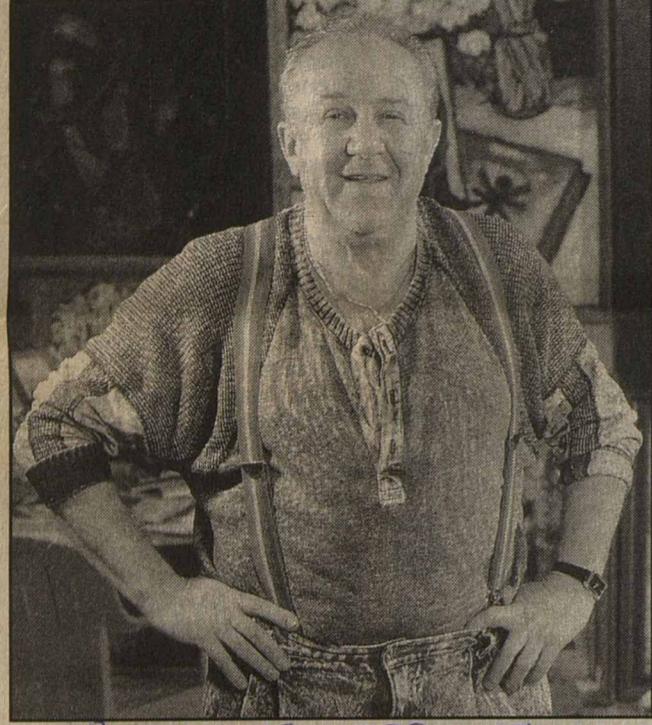

КЛУБНЫЕ

Зураб ЦЕРЕТЕЛИ:
ЖУРНАЛИСТАМ НАДО СМОТРЕТЬ НА КАРТИНЫ, А НЕ СЧИТАТЬ ТУАЛЕТЫ

Вечерний - 1999 - 17 июля - с.5

Задушить соперника музеем

Создание в Москве музея современного искусства напоминает бега. Кто быстрее достигнет финиша — выбьет здание, соберет коллекцию, заручится поддержкой властей, — тот и будет считаться самым современным и музейным. В награду чемпиону посыпятся государственные инвестиции, а за рубежом его признают большим авторитетом. Судя по всему, в этом году гонка завершится каким-то результатом. Но уже сегодня можно делать ставки.

Третьяковская галерея, закопавшись в концептуальных проектах, довольствуется кусочками экспозиций «XX века», развернувшейся в ее филиалах на Крымском валу. Сотрудники галереи откровенно признаются, что не в силах обнять необъятное, и пребывают в перманентном состоянии по сбору материалов. К ним плывут картины шестидесятников и мастеров сореализма. Ни было азарта Третьякова, ни предпринимчивости.

Зато и того, и другого не занимать частным галерям столицы, чьи коллекции основаны главным образом на работах около- и постперестроичного времени. Три главные галереи — «Галерея Марата Гельмана», «Айдан» и «Х!» — не далее как в прошлом году выпустили свой каталог под названием с большим намеком: «Россия без музея современного искусства».

Однако общее недоверие к предпринимателям от искусства само собой распространяется на частные галереи. К тому же сами они довольно мало заявля-

Как-то Сальвадор Дали сказал Зурабу Церетели: «Видимо, теряю форму. Давно вокруг меня скандалов не было». Самому Зурабу Константиновичу в ближайшее время это явно не грозит. Он всегда в форме и всегда при скандалах. Не успели утихнуть страсти вокруг Петра Великого и облика Неглинки, как главный академик сделал сенсационное заявление о создании в Москве Музей современного искусства. И это не считая планов по храму Христа Спасителя и Манежной площади. Поступки Церетели вызывают разную реакцию: от рукоплесканий и заискивания (говорят, у человека большие деньги — а вдруг и нам перепадут?) до негодования и возгласов из известного анекдота: «Ну ты везде живешь, а я нигде!»

от желания что-либо делать и ждут, когда же их пригласят как признанных мастеров.

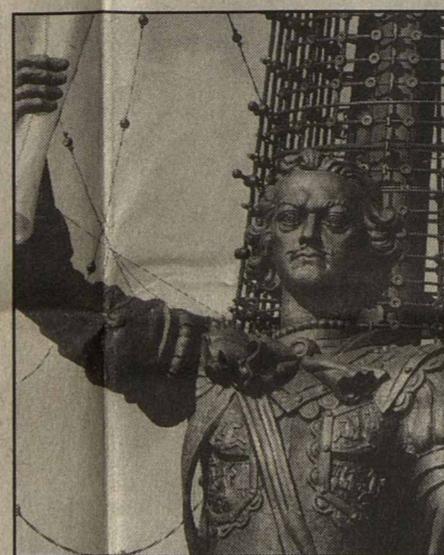
Более активен в попытках придать музейный статус своей коллекции Андрей Ерофеев, заведующий одним из отделов в Музее декоративно-прикладного искусства «Царицыно». Недавно он открыл вариант современного музея в ЦДХ. Судя по всему, это самое большое, на что может претендовать хранитель царицынского бункера. Его коллекция имеет довольно ограниченный диапазон действия — полностью исключительно послевоенной поры. Она интересна скорее с исторической точки зрения.

Государственный центр современного искусства, открывшийся с благими намерениями собирать вокруг себя лучшие коллекции, занялся организацией проектов сомнительного качества. Здесь очень гордятся своей самоценностью и безнадежем, доказавшимся от Министерства культуры.

Инициатива Зураба Церетели создать сразу четыре музея современного искусства — в Москве, Петербурге, Тбилиси и Париже — для неформалов громом среди ясного неба. У человека имеется власть, деньги, энергия и коллекция, которую еще никто не видел, но о которой он много говорит. Наконец, ему отдан особняк на Петровке. Вкусы художника мы примерно представляем. Согласятся ли московские галереи сотрудничать с Церетели — большой вопрос. Еще больший вопрос — кого же выберут в правительстве.

ВСТРЕЧИ

ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ

Он всегда в форме и всегда при скандалах

От Севильи до Нью-Йорка — размах нашего Колумба

Зураб Константинович, мы беседуем в стенах Академии художеств, где вы уже третий год пребываете в президентском кресле. Церетели на манер Цезаря слушает вопрос, рисует в альбоме и отдает распоряжения. Еще с XIX века в крупных художников с этим заведением складывались сложные отношения. Каждый старался отгородиться от его рутины. Вы сами не ощущаете здесь консервативного душка?

Сейчас нет. Изменился статус. Недавно мы восстановили Устав Академии, там признаком даже сопротивления. Открыто заявили об искусстве без ограничений. Шедевры не относятся к политике. Гениальный художник — это явление.

— Для вас вообще не существует разделения на официальное и неофициальное искусство?

— Скажу про себя. В советское время никогда не рисовал ни вождей, ни там кого еще, не знаю... Не потому, что специально, или обижен был на что-то. Просто такое отношение было к искусству, такие педагоги были, которые сразу меня на правильные реалии поставили. Тогда нельзя было делать «искусства для искусства», но я так жил. Так и продолжало.

В Ульяновске — комплекс, как его... Ленинград. Когда меня туда привезли, я сделал огромнейшее зеркало водам с морским миром, в котором это здание, этот мемориал отражается, как бы поднимается. Это отражение — уже романтика. И архитектура выигрывает... А под водой... Если облицевали дно мрамором, что получится? Бани. Я сделал мозаику, морской мир. Ну, сразу — соответствующая реакция. Всокой это — из горшка или обкома. Шум. А как я работал? Одни работают. Не потому, что хотят что-то там спрятать. Я во что верю, туда и шагаю. Одному быстree. Вот доказывал: «Все. Закончил!» Думаю, сейчас аппликовать будут. Днями и ночами работают. Снимают полотно. И вижу этот из обкома сначала покраснел, потом побледнел. Машет, кричит. Не понравились ему там рыбьи, осьминоги... «А что должно быть?» — спрашивало. «Революция! — кричит — Ленин идет...» Все стоят испуганные. Я сел в самолет и улетел оттуда. Анекдот. Он побежал Суслурову, Брежневу жаловаться, орал. Я объяснил, что этот деятель революции под водой предлагает. Как можно революцию под водой? Вроде выпустил.

Живопись я вообще долго не показывал. Президент Академии художеств Серов снял меня с диплома, потому что я был под влиянием импрессионистов, индивидуального искусства.

— Вы работаете в живописи, в скульптуре... В чем вы сильнее?

— Самое важное для меня — носить имя художника. И создать художественное произведение. Это будет глина, масло, бумага и карандаш. Или просто земля. Для меня не имеет значения. Почему я и хочу, чтобы педагоги развивали индивидуальность. Руссо, Пироманы не прошли академической школы. Но они рисовали — обалдеть можно! Какой это рисунок! Это жизнь. Вот в лице мы смотрели рисунки детей первого класса — я бы так не смог сделать.

— А наука вам помогает?

— Создание эмали, — это что?

Наука. Инженерная мысль... Вот

бы недавно ураган. Так я с дочерью пришел в храм Христа Спасителя. Сидели мы там в куполе под крестами с компьютерами и вывешивали, как они держатся, что происходит. Крутом железо летает. Страх! Носители опоры крестов все работали на пятерки.

Или Колумб, которого я поставил в Севилью (на снимке). Вот

это яйцо, под ветровая нагрузка

(складывает пальцы правой руки

профессионалом. Конкурс на красноту, на врага, конкурс фрески и орнамента в Храме — я выиграл.

— Создается впечатление, что вы собой очень довольны. Никогда не возникает сомнения: «А правильно ли все делают?» Как сами себя оцениваете?

— Скажу вам: все ищущие художники не смотрят назад, что они там создали. Впечатление не то производит? У меня на лице написано, что я радуюсь, когда кто-то меня слушает. Вот мы слушаем, мне хорошо.

— Не ломаете ли вы сами усту Академии? Кажется, что Академия стала вашим придатком.

— Откровенно? Можете пустить это в прессу. Академия — это академики, которые очень многое дали для сохранения искусства, когда она была гонимым. Они благодарны. Разве Малевич и Кандинский не получили эту школу? Получили. Потом, конечно, было другая ситуация. Нельзя совместить искусство и академизм. Вот у меня 300 работ неофициальных художников, похожих на Сезанна и Ван Гога, таких художников называли формалистами и троцкистами. Из них я собрал коллекцию «Неужели нас помнят?» Нужно расширять границы.

— О Церетели говорят как о страшном трагологе...

— Знаете, это у меня от отца. Сейчас ему 96 лет. Жил пополам в Грузии, и в Москве. Во время Олимпиады был главным художником. Несколько человек отказалась. Сделал более 30 объектов. До Олимпиады я весил 85 кг, после нее — 57. Так что напрасно ничего не бывает. Потом был главным художником МИДа. Работал в 11 странах. Был близко знаком и с Пикассо, и с Шагалом. Уехал всегда молчком. Приглашали. В Америке в 79-м году поставил для Университета изящных искусств «Прометей». Они выбрали меня профессором. Сейчас, если поеду, получать буду 25 тысяч долларов. Уже в время я покупал подарки, и деньги никак не кончались. После этого я поставил в Америке «Добро побеждает зло» — из списанных «Першингов». Что дальше? Я решил, что нужно воспитывать молодое поколение. Молодежь везде одинаковая, историю плохо помнит. Потому у меня родилась идея «Европа открывает Америку!». Колумб: «Вот, — кричат, — как же так — это будет выше статуи Свободы!» Отвечал: «Какую бы вы свободу завоевали без Колумба? Сначала землю открыли!». Американцы, и другие, верят любому скандалу, поэтому установку откладывали.

— Когда вы беретесь за крупные заказы, за заказы Лужкова, например, вы сами ставите какие-то условия?

— Скажу сразу, открыто, что вы все знали: ни одного заказа лично от Лужкова я не получил. Всегда участвовал в конкурсах. И на Поклонной горе и на воссоздание Христа Спасителя.

— Хотите сказать, что отнюдь не с эмэром у вас исклучительно деловые?

— Мы друзья. Я его очень люблю. Он хороший пример жизни, отношения с людьми. Я смотрю, как он любит своих детей, свою жену. Он пример для меня. Но заказы тут ни при чем.

— Бывает такое, что он критикует ваши работы?

— А как же! Вот в Храме — сколько угодно. Но это конкурс. Там все профессиональные художники. Возьмем Петра; был конкурс к 300-летию флота, участвовал восьмь человек. Первую премию получил я, а вторую — академик Кербел. Мне очень неудобно было: в одной Академии работаем, он старше меня, сильный

— Какое ваше отношение к перестройке мемориального комплекса на Красной площади? К перезахоронению Ленина?

— Я думало, это неправильно. Эпоха создает монументы. Нигде не бывает такого, чтобы урезали свое богатство в истории. Вот в Севилье в Испании — аллея, на которой сплошные скульптуры. Все там, был фасист — стоит. Сейчас мы все уничтожим. Зачем? Ведь что такое сила нации? Показать все, что она прошла.

— А что вы меня о Музее современного искусства не спрашиваете? Сейчас на каждом углу об этом кричат.

— Хотел спросить, не успел.

— Мне обидно, что талантливая молодежь уезжает за границу и оставляет свою работы там. Вот мы и создаем современный музей, которого в России не было. Это моя инициатива. Открыты у нас двери для всех: хочешь — для членов, хочешь — для Царицыно. И за аренду, за свет, за воду платить не нужно. Мы создаем музей в Москве, в Петербурге, в Париже и Тбилиси. В Тбилиси я уже получил 11 тысяч метров, половину фабрики для этого отеля. В Санкт-Петербурге на прошлой неделе с Яковлевым и Академией уже выбрали место. Из Франции к нам католик пришел: «Сейчас на вашем месте есть один культурный центр. Это будет первый случай, когда у русских будет собственный музей в Париже».

— Музей создается на основе вашей личной коллекции?

— Сейчас в государстве ужасное положение. Ничего не может купить. Я хотел купить коллекцию Лобановых-Ростовских, снизил цену с шести миллионов долларов до четырех. Я хотел купить у винчики Шагала, она продавала триста работ. Я выбрал шесть уникальных работ, но ничего не получается. Тем не менее той коллекции, которая в моей собственности, уже достаточно для открытия музея.

— Всем известно, что если Церетели берется за дело, оно получает огромный размах. К тому же ваш приезд — явно на музей государственный. При бедности культуры другим коллекционерам и организациям, стремящимся открыть такой музей, инвестиций не становится. А музей современного искусства может превратиться просто в музей Церетели. Нечто вроде галереи Шагала.

— Современных музеев в Америке и во Франции несколько. Каждый может открыть современный музей. Если другие спят — я то при чем? Ко мне приходил директор из Царицыно. Я ему говорю — пожалуйста, заявляй о себе. Все говорят о современном музее. Гельман говорит. Что говорят? Ты делаешь! Я, например, гонорар от Манежной площади не брал. Говорю, не давайте, все равно растрата, лучше на Музей пустим. Вот иду к министру культуры, буду ему излагать все свою сделку. В газетах пишут, что у меня только что родилась эта идея. Еще когда министром Деминев был, он мне предлагал открыть Музей! Даже здание уже выбирал. Но Соловьев сказал: «Если Манеж — и хватит, проводите там выставки».

— Спасибо, вы рассказали много интересного.

— То, что я вам рассказывал, я еще никогда не говорил. С журналистами ведь как? Приходит какая-нибудь дама в мастерскую. Так она не на картины смотрит. А спрашивает: «Зачем вам русский человек?» Тут смеяться надо.

— В политику не хотите пойти?

— Нет. Точно нет. Я уже был депутатом от Грузии. Я почувствовал, что это мешает. Во-вторых, пользу не даешь.

Встречался
Сергей СОЛОВЬЕВ

